

Сестрица Син вздохнула:

— Матушка Чжоу умеет считать! Ни гроша выкупа не отдала, а такой куш сорвала — даром получила взрослую рабочую силу, которая к тому же всё умеет делать.

— И не говори, и не говори! — Лин, услышав собеседницу, словно прорвало плотину, затараторила, стараясь приправить всё услышанное своими домыслами: — Послушай меня, эта девица — неблагодарная тварь. Пользуясь тем, что Синшань в неё влюбился и решил жениться, она только и делала, что тянула из него...

От деревни Хэся до городка Цзючжоу идти целый час. То есть два часа пути.

Ухабистая, разбитая просёлочная дорога заставляла Цзян Цяньэр не только чертыхаться, но и в очередной раз осознавать: мир, в который она попала после перерождения, оказался даже более отсталым, чем самые захолустные уголки её родной галактики, застрявшие в развитии на тысячелетия.

К городку подошли уже в полдень. Солнце стояло высоко, заставляя путников обливаться потом.

Прежняя владелица тела в городке никогда не бывала, поэтому Цзян Цяньэр не знала, что где находится, и просто побрела следом за немногочисленными прохожими.

Дома не было никакой еды, и Цзян Цяньэр отправилась в лавку зерна. В небольшом помещении в основном торговали рисом, просом, гаоляном, пшеницей и бобовыми. Муку тонкого помола и белый рис держали на высоких полках, боясь, что кто-нибудь их заденет.

Приказчик не стал смотреть на неё свысока из-за заплаток на её хлопковом платье, хотя оно выглядело грязноватым. Увидев, что она вошла, он сразу начал предлагать бобы и просо — дешёвые и сытные продукты, за которые можно было получить целую доу.

Одна доу весила двенадцать с половиной цзиней.

Цзян Цяньэр знала арифметику: десять шэнов — это одна доу, то есть двенадцать с половиной цзиней или шесть с четвертью килограммов.

За десять монет можно купить две доу. Обычной семье, если добавить диких трав и немного свиного жира, этого вполне хватило бы на месяц пропитания для одного человека.

Цзян Цяньэр подняла голову, глядя на высоко стоящие мешки с белой мукой и рисом:

— Почём у вас мука тонкого помола и белый рис?

Приказчик не ожидал, что худенькая девушка в заплатанном платье спросит о таких дорогих товарах, но поспешил ответить с готовностью:

— Мука — двадцать монет за доу, рис — двадцать три. Если будете брать, отдам муку по девятнадцать, а рис — по двадцать три.

У Цзян Цяньэр в кармане было всего чуть больше трёх лянов серебра. Подумав, она сказала приказчику:

— Договорились, торговаться не буду. Отмерьте мне по две доу муки и риса. Только найдите кого-нибудь, чтобы доставили всё это ко мне домой, возможно?

От городка до деревни идти два часа в одну сторону, итого четыре часа. Пятьдесят цзиней веса — Цзян Цяньэр была не в силах тащить это на себе.

Редко кто покупал муку и рис сразу по две доу, обычно брали по шэну, чтобы дома смешивать с бобами и просом — и это уже считалось праздником.

Приказчик, услышав такой заказ от хрупкой девушки, опешил, но тут же засуетился:

— Конечно, можно! Сейчас отмерить?

Цзян Цяньэр кивнула:

— Отмеряйте, отмеряйте.

— Слушаюсь, подождите минутку.

Приказчик ловко снял мешки с полок, и через некоторое время товар был готов.

Один лян серебра равнялся тысяче монет. Пятьдесят цзиней продуктов обошлись всего в восемьдесят четыре монеты — покупательная способность была просто невероятной.

Цзян Цяньэр протянула лян серебра. Приказчик взвесил его и без проблем отсчитал сдачу.

Получив девятьсот шестнадцать монет, Цзян Цяньэр дала приказчику одну монету на чай и сказала, что пойдёт докупит остальное, а потом вернётся, чтобы вместе отправиться в путь. Приказчик, обрадованный чаевыми, проводил её до самого порога и пообещал, что будет ждать её, чтобы доставить груз.

Цзян Цяньэр направилась в лавку готовой одежды. В это время на улице неподалёку десятилетняя девочка схватила за рукав женщину с неприятным лицом и серебряной шпилькой в волосах:

— Мама, мама! Это же Цзян Цяньэр, жена, которую ты купила для того калеки! Она только что вышла из зерновой лавки и пошла в магазин одежды. Откуда у неё деньги?

Женщина, мачеха Чжоу Синшаня, матушка Чжоу, почувствовав боль в руке, отшвырнула руку девочки и прикрикнула:

— Ишь, неразумная! Если она зашла в зерновую лавку, это ещё не значит, что она купила зерно. А если в магазин одежды — не факт, что купила наряды.

Чжоу Цяоэр, потирая ушибленную руку, съёжилась:

— Но она точно купила зерно! Приказчик лично проводил её до дверей, разве стал бы он так

любезничать, если бы она ничего не купила?

Матушка Чжоу прищурила свои хитрые глаза, оттолкнула Чжоу Цяоэр и зашагала к зерновой лавке. Она не верила, что эта голодная, оборванная вдова, которая при виде неё вечно дрожала от страха, вдруг разбогатела.

В лавке одежды Цзян Цяньэр выбирала два комплекта для Чжоу Синшаня. Она хотела подобрать что-нибудь яркое, но продавец быстро отговорил её от этой затеи. В деревне яркие цвета и вышивка были неуместны: рабочие люди носили грубое полотно, а хлопок уже считался роскошью.

Цзян Цяньэр купила для Чжоу Синшаня три комплекта хлопковой одежды, завернула их и, выйдя из лавки, направилась на рынок.

Был уже полдень, торговцы мясом и овощами распродавали остатки. Цзян Цяньэр остановилась у мясного прилавка. Хотя в её родной галактике она жила бедно, мяса там хватало, а вот прежняя хозяйка тела и в глаза его не видела. До замужества она довольствовалась лишь тем, что вылизывала дно миски после того, как в семье ели мясо.

После смерти первого мужа она работала до изнеможения, но за год съедала от силы пару кусочков мяса. Жареное на свином жире блюдо было самым вкусным, что она пробовала.

Выйдя замуж за Чжоу Синшаня, она даже после получения денег не могла поесть досыта — их обманул Ван Данянь, и мяса она снова не видела.

Мяса не осталось, и Цзян Цяньэр купила дешёвые свиные ножки, субпродукты, которые никто не хотел брать, и кости, с которых срезали мясо — почти полную корзину всего за десять монет, включая стоимость самой корзины.

Она чувствовала себя невероятно удачливой. С корзиной за спиной, купив соль, соевый соус и уксус, а также договорившись с лекарем, она вернулась к зерновой лавке.

Приказчик помог погрузить пятьдесят цзиней муки и риса на телегу, запряжённую волон. Цзян Цяньэр поставила свою корзину рядом, доплатила две монеты, и они с лекарем уселись на телегу.

Как только неспешная повозка выехала из ворот городка, Цзян Цяньэр услышала нарочито громкий, визгливый голос:

— Невестка! Невестка, какая встреча! Ты на ярмарку за зерном ходила? Мы с матушкой тоже туда направлялись.

Цзян Цяньэр подняла голову и увидела мачеху Чжоу Синшаня и его сводную сестру Чжоу Цяоэр. Они выскочили на дорогу, преграждая путь телеге. В их глазах горела жадность, они впились взглядами в поклажу, словно мечтали прямо сейчас перетащить всё это к себе домой.